

ДЕВУШКА С ПЛЕЕРОМ

Елена
Гусарева

16+

ДРАМА УЖАСЫ МИСТИКА ДРАМА УЖАСЫ МИСТИКА ДРАМА УЖАСЫ

Елена Гусарева

Девушка с плеером

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гусарева Е. С.

Девушка с плеером / Е. С. Гусарева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Случайная попутчица — девушка со старым кассетным плеером - привлекает внимание Антона, но познакомиться с ней не удастся. Казалось бы, шанс упущен, но незнакомка неожиданно появляется вновь. Она ждет Антона на улице, вглядываясь в окна его пятиэтажки. Чего она хочет? Зачем пришла?..

© Гусарева Е. С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1	5
2	7
3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

1

– Цветы для любимой? – спросила девушка, упаковывая букет роз в прозрачный целлофан и украшая ленточками.

Антон дежурно улыбнулся толстушке.

– Ну, в общем, да. Для мамы.

– День рождения? – девушка предложила подписать маленькую поздравительную карточку, которая обошлась бы в лишнюю двадцатку.

– Не её, – отказался Антон. – Сегодня день рождения отчима. И заодно, юбилей со дня их знакомства. В общем двойной праздник.

– Как сложно, – цветочница подала Антону букет из пяти белых роз. – Её любимые?

– Тюльпаны, – вздохнул Антон и принял цветы.

– Не сезон, – покачала головой девушка. – Розы всем нравятся.

– Точно! – Антон протянул деньги мелкими купюрами.

– Заходите ещё, – девушка чуть наклонила голову. На её круглых щеках появились милые ямочки.

«А ничего, вроде, – машинально подумал он. – Может и заскочу как-нибудь».

Для отчима – папы Серёжи, как он привык его звать с детства, давно припасена бутылка отличного Курвуазье, на которую ушла половина стипендии. Антон и сам облизывался на коньяк, пока тот дожидался своего часа, спрятанный в ворохе полотенец дома в шкафу. Но за папой Серёжей не заржавеет – разопьют вместе. Сам же посадил, заставил распробовать, теперь пускай делится. Мать, конечно, поворчит, но ведь для этого и куплены цветы.

Антон заскочил в автобус и, увидев свободное сидение сзади, поспешил занять его. Он аккуратно уложил букет на колени и расправил ленточки. Розы обошлись недешево, и от стипендии остались самые крохи. Но оставлять без внимания маму, пусть и в чужой праздник, никак нельзя. Она – особа «тонко чувствующая», как отзывался о ней папа Серёжа.

За мутным стеклом проплывали голые остовы тополей, торчащие из осевшего грязного снега. На мокрых тротуарах уже вспыхивали отражения вывесок магазинов и рекламы. Мимо проносились легковушки, одинаково серые «по пояс», с заляпанными дорожной слякотью фарами, из которых лился неровный, клочковатый свет.

Проехали центр города и воздух в автобусе посвежел. Антон достал телефон, выбрал трек в плеере и ощупал карманы куртки в поисках наушников. Он вдруг заметил, что девушка, сидящая через проход впереди него, тоже достала клубок проводов и теперь трясла ими в воздухе, пытаясь распутать. Она мельком посмотрела на Антона, сосредоточенно ковыряясь в проводах. Тот быстро нашел свои наушники с плоским проводом, в секунду демонстративно расправил и сунул в уши. Он довольно улыбнулся девушке и кивнул: мол, так-то. Девушка нахмурила темные, ровно очерченные брови, слегка сощурилась и вдруг высунула острый язык. Антон не сдержался и прыснул. Незнакомка разобралась, наконец, с узлом и тоже заткнула уши. Она достала из кармана кассетный плеер, подключила наушники и, громко щёлкнув механической кнопкой, уставилась в окно. Антон вспомнил, что такой же кассетник был и у него в детстве – лет пятнадцать назад, как говорится, «при царе Горохе». Папа Серёжа подарил. «Неужели кто-то еще пользуется ими? – размышлял Антон, рассматривая забавную девушку. – Может быть, у нее там какая-то очень старая запись? Но ведь сейчас все можно оцифровать. Так надёжнее, а кассета в любой момент может испортиться. Наверное, это фетиш такой».

Незнакомке было на вид лет семнадцать, хотя некоторые девушки выглядят так и в пятнадцать, и в двадцать. Длинные черные волосы, густая челка, прямой, чуть заостренный нос – Антон поймал себя на мысли, что любит ее. Он тут же пожалел, что устроил весь этот цирк с наушниками. Ему захотелось узнать ее поближе, но подсесть и просто представится казалось

теперь невозможным. Она сидела расслабленно. Сложив руки на плеере, слегка постукивала по нему указательным пальцем и едва заметно шевелила губами. «Подпевает и думать обо мне забыла, – огорчился Антон. – Подойти и спросить, что же такое она слушает... – но он продолжал сидеть, мучаясь своей нерешительностью».

Автобус остановился, незнакомка встала и начала продвигаться к выходу. Антон тоже встал и вырвал из ушей наушники, в которых по третьему кругу звучал один и тот же трек. Впереди замешкалась старуха с двухколёсной тележкой, преграждая ему путь. Быстро обойти ее не удалось. Тогда Антон подхватил тележку, взял под руку старуху, хоть она и не просила о помощи, и поволок к дверям. Потом вдруг вспомнил про розы, оглянулся. Букет валялся в проходе. Антон отпустил возмущенную старуху и вернулся за подпорченными цветами. Когда он выскочил из автобуса, девушка была уже далеко. Она быстро шагала в сторону парка. Окликать ее он не стал, побоялся испугать. Пробежал с десятков метров, а потом пошел следом, и только поравнявшись, дружелюбно сказал:

– Извините... Мы ехали в одном автобусе и я, кажется, повел себя не очень...

Незнакомка оглянулась. Антон тут же понял, что это совсем не та девушка. Как только он их спутал? Эта и ниже ростом, и волосы короче, и юбка, а на той были джинсы. Антон сосредоточенно оглядывал незнакомку, почему-то чувствуя себя обманутым.

– А где?... – спросил он невпопад, разводя руками.

Незнакомка ничего не ответила, только ускорила шаг, а потом побежала. На улице совсем стемнело. Антон постоял еще с минуту, раздумывая о нелепости ситуации. Он никогда не вел себя так прежде, никогда не знакомился с девушками на улице и уж тем более не преследовал их, как одержимый. «Чего это я в самом деле? – выругал себя Антон, поправляя выпачканную ленточку на букете. – Мать заметит, она такая».

Антон огляделся и с облегчением понял, что каким-то чудом вышел на своей остановке и, если бы не девушка с кассетником, непременно опоздал бы к ужину. Он развернулся и поспешил домой.

2

Зачирикал звонок, и в следующую секунду послышалось шарканье тапочек в коридоре и нетерпеливый голос матери:

– Антош, ну, мы заждались!

Антон выставил вперед розовый букет. Дверь распахнулась.

– Ох, какая красота! – мать театрально всплеснула руками. – Я, честно говоря, предпочитаю тюльпаны, но розы... Ну, проходи скорей! – она приняла букет. – Ноги вытирай, грязь на улице! Розы – это классика! – мать просунула нос под целлофан и шумно вдохнула. – А как пахнут! Спасибо, дорогой! – она обняла Антона за шею и два раза поцеловала в щеку. – А побриться на день рождения отца?

– Мам, ну, когда? Хочешь, сейчас побреюсь?

– Нет! Нет! К столу, все стынет! Я для кого целый день у плиты?

Антон скинул куртку и, повесив на плечики, убрал в шкаф. Переобувшись в тапочки, прошел в зал, где в центре, под люстрой с длинными висюльками, об которые и он, и папа Серёжа вечно царапали лбы, стоял накрытый стол. Во главе сидел именинник в выглаженной сиреновой рубашке и галстук, которые показались Антону слишком вычурными. Слева от него – тётя Лариса, мамина сестра. Рядом с ней – ее, третий по счету, новоиспечённый муж, имени которого Антон еще не запомнил.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Антон. Он протянул руку привставшему «третьему мужу», поцеловал в подставленную щеку тётку, наконец добрался до папы Серёжи. Они крепко пожали друг другу руки, обнялись.

– Ну, с днем рождения, пап Серёж, – Антон поцеловал отчима в гладко выбритую, резко пахнущую одеколоном, щеку. – У меня для тебя подарок, но он в комнате. Сейчас принесу.

Мать ворвалась в зал с букетом. Быстро расчистив место между салатами, она воткнула вазу с розами в центр стола, отгородив от всех третьего мужа сестры.

– Ну, скорей садись, мы без тебя не начинали, – она потянула Антона на стул рядом с собой.

– Мам, я только за подарком.

– Потом, Антош, все стынет, – суежилась та, накладывая ему толчёную картошку и котлеты из большого блюда.

– Мам... – Антон посмотрел на нее из-под белёсых бровей. – Одна минута, – он пошел в комнату, слушая упрёки матери вдогонку: «Вот такая молодёжь пошла...»

Антон быстро извлек подарочную коробку из шкафа и поспешил вернуться.

– Пап Серёж, я твои вкусы знаю, – объявил он с порога, сияя ярче люстры с висюльками, – потому, что они у меня такие же! – он вручил имениннику коньяк. – Настоящий Курвуазье иксо, выдержанный...

– О! Сынок, спасибо! – отчим расплылся в благодостной улыбке. – Удружили!

– Ну, начнется пьянка, – проворчала мать. – Ларис, ну что, как не своя? – обратилась она к сестре. – Накладывай, не стесняйся. Миша, а вам чего положить?

«Михаил, значит», – машинально отметил про себя Антон.

– Мариша, ну что ты, – сразу принялся оправдываться отчим, – тут только на понюшку.

– Да знаем мы ваши понюшки, – мать приподнялась, принимая у Михаила тарелку и по пути поправляя помятые розы. – Да мне-то что? Только вот сердце у тебя...

– Раз в году можно, – отчим распечатал коробку, выдернул пробку из фигурной бутылки, понюхал. – Ммм... – довольно промычал он. – Антох, неси-ка бокалы! – он подмигнул сыну.

– Помочь? – выглянул из-за букета «третий муж».

– Спасибо, Михаил, сидите. Вы не знаете, где, – Антон пошел за бокалами. – Мам, тебе доставать?

– Нет, – мать тыкала вилкой в тарелку, выклеывая горошинки из оливье.

– Антош, а я не откажусь, – тут же вставила тетка.

– Ну, раз пошла такая пьянка, тогда и мне доставай, – сердито попросила мать.

Антон расставил бокалы. Папа Серёжа разлил, явно наслаждаясь булькающими звуками.

– Ребят, у меня тост, – сказал он, довольно приглаживая поредевшие на затылке седые волосы. Мать снисходительно приподняла круглобокий бокальчик с узким горлышком. – Мне как-то поначалу не очень везло в семейной жизни, много было разных бед...

– Серёж, ну к чему ты? – тут же встряла мать.

– А я, Мариша, к тому, что в какой-то момент мне даже стало казаться, что счастья семейного, его и нет вовсе. Ты все про меня знаешь, самый близкий ты мой человек, про беду мою... – сказал он и голос его чуть дрогнул.

Антон только знал, что первая жена у папы Серёжи долго чем-то болела и доставляла много хлопот, а потом внезапно погибла – попала под машину.

– Так вот, ребята, – продолжал с воодушевлением отчим, – эта женщина меня спасла самым натуральным образом, – мать поджала губы, ее глаза увлажнились. – Давайте выпьем за Марину Викторовну, которая сделала меня счастливейшим из мужей, как говорится. Она замечательная жена и мать! – все бокалы с Курвуазье взметнулись в воздух. – Спасибо, дорогие мои, Мариша, Антон, Ларочка, э... Михаил! Спасибо, что в этот праздник...

– Серёга, ты просто супер! – перебила его тетка Лариса и чокнулась с именинником первой.

– Да! – подтвердил Михаил, подскочил и неуверенно потянулся, чтобы тоже чокнуться.

– Серёженька, за твоё здоровье, – мать наклонилась и поцеловала отчима в щеку, поправила перекосившийся галстук у него на шее.

Все выпили и тут же застучали вилками и ножами.

– Готовить Мариша умеет лучше всех, этого у нее не отнять, – нахваливал стряпню матери папа Сережа, уминая третью котлету.

Тут зазвонил домашний телефон.

– О! Это наверно бабушка из Саратова, она никогда не забывает, – Антон пошел ответить.

– Добрый вечер, – раздался в трубке скрипучий голос. – Это доктор Березовский из «Соснового бора» беспокоит. Могу я поговорить с Сергеем Алексеевичем?

– Э... «Соснового бора»? А вы точно к нам? – растерялся Антон.

«К чему бы куму-то звонить из психиатрической клиники?»

Услышав реплику Антона, отчим вскочил и, быстро протиснувшись через гостей, буквально вырвал у него трубку.

– Слушаю, – сказал он изменившимся металлическим голосом.

Все притихли. Тогда папа Сережа суетливо подхватил телефон и ушел с ним в коридор, прикрыв за собою дверь.

– Миша, вам что-нибудь еще положить? Может быть, коньячка налить? – засуетилась у стола мать.

– Не откажусь, – тут же среагировал Михаил.

Она неловко плеснула через край.

– Мам, давай я, – Антон забрал у нее бутылку и принялся разливать по второй.

Все ждали возвращения именинника, молча ковыряясь в тарелках. Но скоро Антон услышал, как входная дверь хлопнула. Он поднялся и пошел проверить. В коридоре было пусто. Телефон стоял на полу.

3

Мать все подкладывала и подливала, расспрашивая сестру и «третьего» о чем-то мало ее обычно интересовавшем. Те, напоминая Винни Пуха и Пятачка в гостях у Кролика, не ушли, пока не прикончили все котлеты и подарочный Курвуазье до капли. Антон, надувшись, сидел в кресле с планшетом и в разговорах не участвовал, хотя мать то и дело обращалась к нему, изо всех сил стараясь вести себя непринужденно, будто именинник вышел за хлебом на кухню. Гости, убедившись, что ничего не осталось, неловко выползли из-за стола и долго прощались с матерью в коридоре, уверяя ее, что вечер удался на славу. Еще бы! Когда они наконец свалили, Антон попытался заговорить с матерью, но та рыкнула на него. Заставила убирать посуду и складывать стол. Следы праздника в комнате ликвидировали, и мать молча ушла к себе, так и не позволив Антону задать ни единого вопроса. Он еще немного помаялся, несколько раз безуспешно попытавшись дозвониться до отчима, и отправился спать.

Папа Сережа вернулся во втором часу ночи, точнее в 1:16. Антон всегда спал чутко и, когда из коридора послышался скрип открывающейся двери и шарканье ног, тут же открыл глаза. Он встал и выглянул из комнаты.

– Пап? – тихо позвал он, но никто не ответил.

В кухне зажегся свет, и Антон, шлепая по холодному линолеуму босыми ногами, пошел туда. Папа Серёжа в куртке и уличной обуви стоял у стола и пил большими глотками из чайника через горлышко.

– Все в порядке? – спросил Антон, шурясь от света.

Отчим тяжело выдохнул, отставляя чайник. Он сел на табурет и принялся расстёгивать ботинки. Пальцы его не слушались, замок не поддавался. Он откинулся назад.

– Сейчас бы чего-нибудь покрепче, – сказал и закрыл глаза рукой.

– Да что случилось-то?! – не выдержал Антон.

В кухне показалась мать.

– А ну-ка спать! – потребовала она с порога.

– Мам, вы за кого меня держите? Я что ребенок пятилетний? Что за?..

– Ты видишь, отцу нездоровится? – она принялась суесться вокруг папы Серёжи: стягивать ботинки, куртку. Потом открыла шкаф, достала пузырек с лекарством: – Серёж, давай двадцать капель? – Тот махнул рукой, мол, пожалуйста. Мать быстро отмерила Корвалолу, разбавила водой и подала. – Пойдем, ляжешь, – она помогла ему встать и повела из кухни.

Антон остался один в полном недоумении. Спорить и настаивать бесполезно. Родители все еще держали его за ребёнка, с которым не стоит считаться. Будь ему хоть сорок лет, пока живут вместе и едят из одной кастрюли, отношение матери не изменится, а папа Серёжа, как всегда, будет ей потакать, с гордостью называя себя «подкаблучником». Антон был бы счастлив съехать, только на аспирантскую стипендию не разживешься, даже однушку не снимешь. Вот и приходится терпеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.